

Александр СТРИЖЕВ

НИКОН РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — ВЕЛИКИЙ СВЯТИТЕЛЬ XX ВЕКА

Имя архиепископа Никона (Рождественского) постепенно в его творениях возвращается к русским людям: уже переиздана его замечательная книга «Меч обоюдоострый», в православной периодике появляются перепечатки его статей. Великое имя снова прочно входит в наш читательский обиход.

Естественно, о человеке такого масштаба, как владыка Никон, можно было бы рассказывать много, и все равно всего не пересказать, потому как жизнь его была поистине подвижнической, насыщенной событиями ярчайшими. Начну с его детства.

В Подмоскovie есть село Чашниково — совсем, можно сказать, неизвестное село. Оно памятно разве тем, что в нем 4 апреля 1851 года в семье дьячка родился будущий архиепископ Никон. Семья у дьячка была многодетной — двадцать два ребенка!

В миру архиепископ Никон был Николаем Ивановичем Рождественским. Его отец, Иван Андреевич, скромный сельский дьячок, ничем особенным не выделялся на фоне тогдашней жизни. Мать, Ольга Ивановна, была, как говорил впоследствии сам владыка, «Христова крестоносица» — она несла большой и тяжелый крест по воспитанию огромного числа своих детей. Жила семья в чрезвычайно бедных, стесненных условиях, так что можно представить тот груз забот, который несла на себе эта сельская женщина.

Николай Рождественский от природы был хилым мальчиком, к тому же в пятилетнем возрасте он ослеп на один глаз. И вот такой полукалека сумел развернуться в гиганта. Великие способности у него определились как-то сразу. К восьмилетнему возрасту он уже три раза прочел славянскую Библию. Представьте, одноглазый мальчик сподобился прочесть огромную книгу, прочесть три раза на церковнославянском языке! Помимо этой книги, он прочел еще несколько томов Четых-Миней, прочел и другие основные великие православные церковные творения. Так что, видно, в нем таились необыкновенное трудолюбие и рвение к Слову истины, которыми он обладал до самой своей смерти.

После окончания сельской церковноприходской школы Николай поступил в Московское духовное училище, где считался тоже первым учеником. При его блестящих способностях и необыкновенных знаниях он сильно выделялся среди других питомцев. Закончив несколько духовных училищ, Рождественский все-таки не стал поступать в Духовную академию, поскольку ему надо было добывать хлеб самому. Так что высшего богословского образования Николай не получил, но впоследствии, по обширным его знаниям, он будет избран почетным профессором Московской Духовной академии.

В 1874 году Николай Рождественский стал послушником Ново-Иерусалимского монастыря, основанного в XVII веке патриархом Никоном, пошел узким, тернистым монашеским путем. Некоторое время он подвизался в этом монастыре, а с переводом оттуда настоятеля, отца Леонида (Кавелина), наместником в святую Троицкую лавру туда же перешел и его послушник. Видно, так инок и наместник сдружились, что не захотели расставаться.

Прошло еще несколько лет, и в 1880 году Николай Рождественский принял постриг с именем Никон. В переводе на русский Никон — «побеждающий». Такое вот выбрали ему имя, и впоследствии он действительно будет побеждать врагов Церкви, врагов России.

Литературные способности проявились в Никоне чрезвычайно рано. Еще в училище он издавал журнал, писал стихи, причем неплохие стихи, и очень много всего этого сохранилось в его архиве. Слава Богу, его архив уцелел в революционные годы, и там, если мы откроем его папки, увидим и стихи ранних лет, и разного рода дневниковые записи. Литературная склонность в нем как-то весьма быстро определилась и приняла оригинальный характер. Стиль его письма — неподражимо оригинален, всегда трепетно-динамичен, а главное, за что бы ни брался Никон, в нем чувствовался полемический задор — своими писаниями он весьма убедительно давал отпор разным извратителям истины. Будучи послушником в лавре, еще до принятия монашеского пострига, в 1879 году Никон начал выпускать Троицкие листки. К Троице притекало множество паломников, собственно, вся богомольная Россия стремилась посетить эту святыню, чтобы припасть там к цельбоносным мощам преподобного Сергия. И народ по всем углам России в котомках нес листки, издаваемые в лавре Никоном. Лаврекая типография печатала их буквально сотнями тысяч штук; в общей сложности этих листков было напечатано более миллиона. Листки почти совершенно ничего не стоили, их продавали по копейке, а иногда давали и даром. Для народа они были любимым чтением. И когда такой паломник возвращался в родное село, он собирал богомольных людей — тогда вся крестьянская Россия была православной, по-настоящему богомольной и интерес к паломничеству наблюдался большой, — и соборно читались велух эти листки, люди утешались, находили в них много слов нужных. Так читающая православная Россия получала душепитательное слово лавры.

Между тем Никон не только занимался написанием статей для листков. В те молодые свои годы он сумел создать еще классическую книгу о преподобном Сергии. Его книга называется «Житие и подвиги преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца». Эту книгу переиздают и теперь — о великом святом ей равных нет. Написанная образным языком, книга настолько проникновенна, что даже черствое сердце наскоро разогреется и возгорится богомыслием при чтении ее замечательных страниц. Впервые книга о преподобном Сергии была издана в 1885 году и весьма быстро выдержала пять изданий — ее искали, ее читали, ее любили и любят до сих пор. Как сказал Иван Сергеевич Аксаков, книга «исполнена благотворной красоты, которой подражать нельзя».

Вот такой это был талант литературный! Мы иногда выпускаем из виду, что ведь и среди духовных публицистов было много одаренных литераторов. Часто думают, что церковная публицистика бесцветная. Ничего подобного! Церковная публицистика в лучших своих образцах — это еще и замечательные литературные произведения. Вспомним, к примеру, статьи и пламенные Слова святого Иоанна Кронштадтского, проповеди протоиерея Иоанна Восторгова или того же архиепископа Никона — все это, конечно, публицистика высочайшего уровня.

За Троицкие листки Никон получил Макаревскую премию в 1900 году. Тем самым высокое церковное начальство достойно оценило его работу. Естественно, был у него рост и по церковной линии: уже в 1904 году мы видим его епископом Муромским, затем он занимает Серпуховскую кафедру, позже становится настоятелем Свято-Данилова монастыря.

В 1905 году, когда разыгралась жестокая революция, епископ Никон не мог промолчать об этом ужасном разорении России. И вот 16 октября того бедового года в «Московских ведомостях» он печатает замечательную статью против крошечников «Что нам делать в эти тревожные дни?». То есть что делать русским людям в такое лихое время. В статье он призвал русских людей сплотиться и дать отпор врагам России.

Этот призыв вызвал яростный накат еврейской печати на позицию Никона. Либеральные публицисты, изрыгая хулу на подвижника Христова, всю выказывали свое обличье ненавистников России.

Но разного рода революционеры и смутьяны, естественно, и все ненавистники России с ними, ополчились тогда, в 1905 году, на владыку Никона, стали его прокли-

нать на страницах «прогрессивной» печати за призыв к русским людям сплотиться, отвергнув путь позора и предательства своей страны, предательства своих же собственных интересов. Видите ли, Никон зовет людей одуматься и сплотиться! Виданное ли это дело! Началась оголтелая массированная атака, направленная против владыки Никона, докатившаяся и до Святейшего Синода. А в Синоде были в то время не все такими, как епископ Никон. Там были и те, кто иногда подыгрывал революционным страстям. Один из них — петербургский митрополит Антоний (Вадковский) — личность известная в истории Церкви своей двусмысленностью, симпатиями к разного рода прогрессистам-революционерам и к церковным реформаторам. Именно он настоял на том, чтобы удалить владыку Никона из Москвы и из Троицкой лавры, упрятать его подальше, в глушинку. И настояние Антония Вадковского поддержали синодалы, ведь Синод буквально завалили требованиями от лица так называемой «прогрессивной интеллигенции» и «трудящихся», раскрученных революционерами. В Синоде поплы им навстречу, назначив епископа Никона на Вологодскую кафедру. По существу, его удалили подальше от Москвы, полагая, что в незаметном месте он будет потише. На календаре был 1906 год.

Но владыка Никон не тот человек, чтобы вдали от Москвы сидеть тихо. В церковной печати он продолжал выступать с прежней прямотой. Причем все, о чем он говорил раньше, выражал еще более ярко. Это был важный этап его борьбы против революционеров и разложивцев разного рода.

И вот, побыв какое-то время на Вологодской кафедре, владыка Никон попросил в 1912 году об увольнении с занимаемой церковной должности. Его прошение удовлетворили — и он снова осел в родной лавре. Но еще до возвращения Никон стал выпускать в лавре журнал «Троицкое слово». Этот замечательный журнал — его детище, его творение, и творение, можно сказать, самое любимое. В журнале, буквально в каждом номере, были статьи самого владыки Никона. Причем это были не какие-то заметки, а большие статьи, в которых взят за основу злободневный момент из жизни России, и вокруг этого события, сутобо современного (для той поры, конечно), разворачивались рассуждения самого Никона. Как правило, получался либо яркий памфлет против властей предрержащих (кто, по существу, тогда работал на развал России), либо обличительная статья против всякого рода революционных отщепенцев, которых было много в разных сословиях, в том числе и в духовном. В духовных семинариях и даже в правой печати было много людей, стремившихся распатать устои общества и Церкви. Возьмем такого правого публициста, как князь Владимир Петрович Мещерский, издатель газеты «Гражданин». Издавал он эту газету много десятилетий, еще вместе с Достоевским когда-то начинал ее выпускать. Так вот, даже князь Мещерский и тот как-то сочувствовал разным веяниям революционной новизны. Тогда, несмотря ни на какие сложности, ни на какую дружбу, выступил с боевой статьей архиепископ Никон и весьма доказательно вскрыл всю несостоятельность такой двойственной позиции, если речь идет о спасении России. Никон не признавал никакого компромисса ни в чем. И ежели человек изменял нашему православному русскому идеалу, владыка брал обличающий бич и бичевал его.

Так было всегда: касалось ли это публициста Михаила Меньшикова, касалось ли это публициста Василия Розанова, который чрезъестественно метался и был весьма непостоянен, — владыка Никон отстаивал принципиальные интересы Церкви и веру нашего народа. Взять, к примеру, духовного писателя Евгения Николаевича Поселянина (его настоящая фамилия Погожев). Когда отпал от Церкви Лев Толстой, Поселянин стал сомневаться, правильно ли поступила Церковь в своем определении по этому факту, начал делать разного рода заявления: дескать, это великий писатель и к нему нужна особая вероучительная мерка. Тогда весьма твердо ему ответили некоторые церковные авторитеты, ответил ему и архиепископ Никон, сказав, что никаких колебаний в отношении графа Толстого быть не может — он сам завещал не отпевать себя, не ставить над его могилой креста... Что же вы хлопочете? Он сам, добровольно отпал от Церкви. Есть письменное его заявление

на этот счет, и устные указания он давал своим приближенным... Зачем же лицемерить? Споры эти разгорались в печати уже после смерти Толстого. Самое существенное то, что архиепископ Никон еще при жизни Льва Николаевича твердо защищал Православие от его нападок. В то время даже внутри Церкви оставалось мало людей, кто бы до конца отстаивал церковные интересы и чистоту веры Православной. Их отстаивали в печати все те же святой праведный Иоанн Кронштадтский, священник Иоанн Восторгов и... архиепископ Никон. Никто не мог замутить сознания тех, кто читал эти яркие статьи.

Начало XX века, помимо прочего, отмечено еще и оживлением сектантской агрессии. Повсюду возникали секты или оживлялись старые, угасшие лжеучения папковцев, толстовцев, духоборов, молокан, хлыстов... Стали популярными спиритизм и теософия. Несть конца этому богоборчеству! Секты порождены были в какой-то мере самой явью внутри России, но очевидной была и совершенно наглая конфессиональная агрессия с Запада. Срабатывали те же самые приемы, которые мы наблюдаем и сейчас. Против всего вредоносного надо было выдвигать православную истину — истину не тускнеющую, истину, которую мы всегда носим в своем сердце. К сожалению, и в лоне самой Русской Церкви, и в кругу либеральной богоскательствующей интеллигенции появились свои лжеумствования — например, «софиология», проповедником которой был Сергей Булгаков и другие религиозные вольнодумцы.

Одно из лжеумствований, доставившее много хлопот Православной Церкви, и в частности архиепископу Никону, — кривоверие «имябожников», вылившееся в так называемую «афонскую смуту». Афонская смута особенно свирепствовала в 1913 году. С чего она началась?

В среде афонских монахов (а их было много: в русских монастырях на Афоне тогда спасалось 1700 монахов из России) еще ранее той даты завелась прелесть еумудрия, вскоре она переросла в примат ограниченного познания — в имябожническую ересь. В принципе вся эта ересь умещалась в несколько строк: имябожники утверждали, что в самом Имени Бога присутствует Сам Бог. Наши церковные иерархи, в их числе архиепископ Никон, и говорили, и писали против этой ереси еще до того, как смута достигла апогея.

Но ученые споры продолжались позже, а в 1913 году еще огонь под пеплом таялся, и внешне это ограничилось вспышками беспорядков в русских монастырях на Афоне. Беспорядки превзошли всякие мыслимые размеры, и тогда Синодом на Святую гору был отправлен Никон (он в ту пору был уже членом Святейшего Синода), послан с тем, чтобы умиротворить бунтующих монахов-имябожников, откровенно терроризировавших всех, не согласных с их лжеучением. Когда архиепископ Никон прибыл туда, он увидел ужасную картину. С одной стороны, греческое церковное начальство грозило русским монастырям выселением, если беспорядки имябожников на Афоне не закончатся. С другой — никак не удавалось смирить бунтующих. Ведь на Афон проникли даже революционеры — прятались там и верховодили. Были у них типографии, в которых печатались возмутительные листовки. Вот такая предстала плачевная картина.

Никон поначалу пробовал разубедить главарей бунтовщиков, но сделать это не удавалось. Более того, бунтовщики угрожали расправой. Тогда на Афон ввели войска, которые находились на вспомогательных судах. И двести матросов выселили со Святой горы всех бунтовавших имябожников. Их было приблизительно около тысячи. На Афоне осталось семьсот русских душ, а тысячу бунтовщиков вывезли оттуда и разместили по разным монастырям внутри России; в основном они попали на Новый Афон.

Имябожники, как сказано, вели себя на Афоне безобразно. Они угрожали архиепископу, могли нападать с оружием и как угодно. Пришлось подключить брандспойты и разогнать мятежников струями воды. Лишь после этого их собрали и вывезли с Афона. Так что разговоры, будто с имябожниками поступили жестоко, будто бы их заковали в кандалы и чуть ли не избили, не соответствуют действительности. Да, двадцать человек

получили царапины, когда бежали, — где-то кто-то из них споткнулся, кто-то за что-то задел, — вот и все их «боевые раны». Ничего другого не было. Что касается «правоты» лжеучения, то она тогда же была опровергнута многими богословами, Определением Святейшего Синода Российской Церкви и двумя вселенскими патриархами.

Хотелось бы привести несколько строк из дневников архиепископа Никона, которые относятся к имябожникам. Он пишет: *«Мы употребляем Имя Бога в молитве, произносим и тогда, когда беседуем или пишем о Боге. Надо помнить еще и то, что мы — существа ограниченные, а Бог — неограничен, непостижим для нашего ума, необъятен для нашего слова. По благодати Своей Он открывает Себя в слове человеческом, но всякое слово наше остается ограниченным и условным. Он же, безусловно, всесовершенен. В Его имени, в нашем слабом слове или нашем умопредставлении о Нем есть только приближение понятия о Нем к нашему уму, но не тождество не только с Самим Существом Его, но даже и с той идеей о Боге, которая прирождена нашему духу как неотъемлемая черта образа Божия в нас самих».*

Современные апологеты имябожия утверждают, что из-за подавления афонской смуты произошла революция... Это чисто сектантские рассуждения. Никакого влияния ни на революционный процесс в России, ни на падение российского трона имябожничество не оказало. Это был внутрицерковный раздор, внутрицерковная распря, носившая локальный характер. Когда произошла революция, то монахи-имябожники тоже во многом пострадали. Главный их бунтарь, Антоний Булатович, был убит в 1919 году. И многие другие кривоверы пострадали, так что в какой-то мере имябожники тоже относятся к числу жертв революции. В этом отношении их, безусловно, жаль.

Я уверен, что с имябожнической средью достойно разберутся, да и уже разбираются. А вот роль святителя Никона в разоблачении этой ереси, в пресечении ее будет, безусловно, отмечена достойно, как роль положительная. И разного рода толки о нем как о человеке, поступившем жестко по отношению к еретикам, совершенно беспочвенны. Всем, кто сомневается в моих словах, советуется прочесть книгу самого архиепископа Никона «Меч обоюдоострый». Сейчас она переиздана и доступна каждому. В ней весьма убедительно и правдиво пишется о всех тех событиях.

Если бы святитель Никон не вывез смутьянов (было употреблено меньшее зло), если бы он не применил этот радикальный способ — мы бы лишились наших великих святых. С Божией помощью они сохранились, и, надо сказать, наши монастыри опять множатся числом своих насельников. С Божией помощью наши монастыри оживают, туда притекают сотни и даже тысячи паломников в год. Так что благодаря стараниям владыки Никона сохранились наши афонские обители. И те, кто распространяет хулу на архиепископа Никона, по существу, действуют слепо. А на обывательском уровне толки о том, что революция произошла из-за удаления афонских монахов, о том, что все наши последующие бедствия произошли из-за этого, — все это несерьезный, вздорный разговор, который в основном культивируется самими имябожниками.

Голос владыки Никона был слышен по всей России. И перед революцией не было, пожалуй, более ярких выступлений с церковной кафедры, чем выступления владыки Никона. Его статьи и вся его публицистическая полемика, которая выносилась на страницы «Троицкого слова», были блестящи. Одно время он был еще председателем издательского отдела Святейшего Синода, так что как бы в его подчинении находились и многие церковные издательства. С его же изданий духовная цензура была снята — так ему верили! И вот в этих журналах, в частности в «Троицком слове», он печатался каждую неделю (журнал выходил еженедельно). За год накапливался целый том, и такие тома выходили под заглавием «Дневники». Их вышло много, все они дожидаются поры, когда мы их сможем прочесть.

Под занавес своей жизни святитель Никон издает книгу Сергея Нилуса «Близ есть, при дверех». В этой книге было показано, что сатана уже стоит на пороге, и вот-вот сейчас он перешагнет этот порог, при дверях стоит нашего жилища. Так

и произошло: свершилась февральская революция. Временное правительство отдало приказ уничтожить тираж этой книги, ликвидировать и другие тиражи в типографиях Троицкой лавры. Сам владыка Никон буквально за год до переворота 1917 года ушел на покой — он как бы предвидел, что скоро начнутся жуткие кровавые времена, начнется истребление людей. В 1917 году, когда митрополита Тихона избрали патриархом, архиепископ Никон обратился к нему с письмом, а в нем просил святейшего призвать всех православных к стоянию против красных врагов России, призвать православных стоять твердо за веру, вплоть до принятия исповеднического венца. Такой призыв совершенно понятен, если знать характер Святителя. Даже само его имя — «непобежденный», «непобедимый» — было providческим: Никона не согнули никакие угрозы, никакая расправа, которая со всех сторон могла обрушиться на владыку. Ведь он напрямую обращается к главе Православной Церкви, чтобы от лица Церкви дать отпор революционной черни и ее предводителям в лице богоборческой власти. Тогда он еще какое-то время мог находиться в лавре, несмотря на погром «Троицкого слова». «Троицкие листки» уже больше не выпускались, журнал для богословов «Богословские труды» тоже прекратил существование. Все печатное дело большевики подмяли под себя — никакого печатного слова от лица Церкви уже существовать не могло. И архиепископ Никон, по сути, мог только совершать службу в лаврских храмах.

Существует небольшое воспоминание Василия Розанова о том, как выглядел в революционные дни святитель Никон. В своих записках Василий Васильевич признается, что он всегда не любил Никона за его прямоту, за его совершенное отвержение космополитической русской интеллигенции, за разоблачение ее ложных идеалов (которых придерживался и сам Розанов, безусловно). То есть долгие годы у Розанова была неприязнь к Никону, как у любого русского «размагниченного» интеллигента. У людей просвещенных, которые просвещены Светом Христовым, не было вражды к владыке Никону, а вот у них к нему была ненависть. И когда Розанов стоял на последней службе архиепископа Никона в Троицком соборе лавры, он почувствовал: это какая же сила в нем — в этом слепом, невзрачном, невысоком человеке! И откуда такая гигантская, притягательная сила? Розанов сознается, что был не прав по отношению к нему: «Я называл его дурачком, а это святой, великий человек! Ему не в чем упрекнуть себя!» Так откровенно Розанов напишет о пробудившейся симпатии к Святителю.

Скончался архиепископ Никон в декабре 1918 года, по новому стилю это уже 12 января 1919 года. По одной из версий, владыка подвергся нападению революционной черни, был жестоко изуродован и убит. Это случилось за воротами лавры. Будто бы его даже обезглавили. Версия устная, ее я слышал от людей, многие годы проживших в Сергиевом Посаде. Убийство было возможно, потому что Никона ненавидела вся большевистская головка крута зиновьевых, каменевых, троцких, ленинских. Весь сатанинский синклит врагов и мучителей России занимался истреблением защитников церковных и национальных интересов народа. Злодейски, на глазах у детей расстреляли публициста Меньшикова — и кто помешал бы так же жестоко расправиться с архиепископом Никоном? Впрочем, с человеком можно расправиться, а его писаний им не одолеть.

По другой версии, владыка скончался своей смертью.

Когда кто попадет в лавру — а туда тысячи людей ходили и будут ходить, — тот непременно обратит внимание на черный большой крест, что позади Свято-Духовского храма. Под этим крестом покоится тело архиепископа Никона (Рождественского). Помолитесь тут и вспомните владыку, почтите его память. Благочестивая, богомольная Россия, вставая на ноги, чтит великого подвижника.

Безбожная Россия ушла в сень смертную, ушла туда навсегда. Пробуждается православная Россия, и она не забудет это имя. Память об архиепископе Никоне для нас незабвенна, дорога, и мы будем просить Господа упокоить в небесных селениях Своего великого молитвенника.